

ГЕРОИ ИВ.ТОЛСТОГО

Дневники, в которых отразилась эпоха. Судьба Ольги Бессарабовой

Иван Толстой

23 июня 2025

Ольга Бессарабова, 1919.

Писательница Наталья Громова - о драматических и трагических судьбах литераторов советской эпохи. Сегодня в центре ее рассказа дневники, приоткрывшие многие литературные и человеческие секреты, десятилетиями таившиеся под спудом истории.

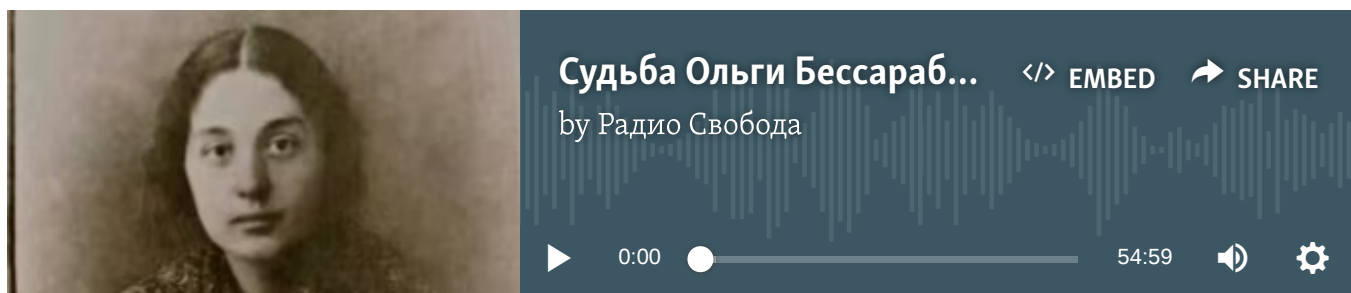

Как обойти блокировку?

[читать >](#)

Наталья Громова: Я начала работать в музее Цветаевой в начале 2000-х годов, когда музей еще складывался, особенно его архивная часть. Дело в том, что как новый всякий музей он создает архивный фонд из того, что ему дадут, из того, что он найдет. Мало того, в этот музей попали, например, архивы русского зарубежья, с

которым была отдельная история битв с Михалковым. Но это самостоятельный сюжет.

[↗ Pop-out player](#)

[↓ Скачать медиафайл](#) ▾

Я работала еще недолго там - в основном в архивном отделе, где еще не было ни описи, ничего. Однажды, это было перед Рождеством, что очень важно, я получила от заведующей, совсем еще юной, огромное количество тетрадей. Она меня попросила посмотреть, что это такое и как-то это оценить. Сначала я перелистывала и видела, что это тетради какой-то девочки из Воронежа. Звали ее Ольга Бессарабова, эти дневники ведутся девочкой с девяти лет.

В 1915 году ей было около 20-и, и на страницах стало появляться абсолютно невероятные для этой девочки имена: Леонида Андреева, Даниила Андреева, вдруг лекции Андрея Белого, вдруг появились разговоры о Льве Шестове, Майе Кудашевой, Константине Бальмонте, Борисе Зайцеве, и так далее. В какой-то момент я стала думать, что это какие-то фиктивные записи: пошла туда, встретилась с этим, рассказы, разговоры, но вдруг в эти дневники вдруг стали вливаться чужие воспоминания, рассказы, письма, фотографии. Я вдруг поняла, что передо мной идет историческая хроника, особенно когда они достигли 1917 года.

Courtesy Image

Ольга Бессарабова (справа) с соседкой. 1913. Воронеж.

И я еще скажу о том, как она поразительно эта девочка описывала февраль и октябрь семнадцатого года в Москве. Мне это имя было неизвестно, в Википедии этого имени не было, и мне неоткуда было узнать. Я просто держала перед собой некие дневники непонятно чьи.

Постепенно я поняла следующее: это девушка, у которой была замечательная наставница Варвара Малахиева-Мирович, которая жила тоже в Воронеже и в Москве и была детской писательницей, автором огромного количества статей и была возлюбленной Льва Шестова. И эта женщина учила девочек из разных известных семей: Нину Бальмонт, Нину Бруни, маленькую Аллу Тарасову. У них был такой девичник, куда иногда и мальчики приходили, назывался Кружок радости, и там они занимались философией и литературой. Она, собственно, привила огромному количеству писательских детей умение описывать события и воспринимать память как что-то ценное.

Варвара Малахиева-Мирович, фрагмент коллективной фотографии. 1923.

Все они жили и собирались в московском доме, и могли там останавливаться. Это был так называемый дом Добровых в Большом Лёвшинском переулке номер 5. Дом удивительный, он принадлежал доктору Филиппу Александровичу Доброву, приехавшему из Орла в Москву. Он был женат на Елизавете Велигорской, сестра которой была замужем за Леонидом Андреевым. Вся история любви Леонида Андреева разворачивалась в доме Добровых, и поэтому через этот дом прошли все знаменитые люди.

Леонид Андреев говорил, что если бы не доктор Добров, который соответствовал своей фамилии полностью, то никогда бы он не стал бы тем человеком, он бы давно сгнил под забором, потому что атмосфера этого дома была особенная. Доктору Доброву было вообще все равно, все идеологические предпочтения, он собирал за своим столом любых людей. Так было и после революции, он их подкармливал. Он был одновременно не только врач Первой Градской больницы, в которой очень многие лечились, а еще и очень хороший пианист, игравший вместе с Игумновым, он переводил стихи.

“ С первого момента видно присутствие рока в судьбе этого мальчика

Когда умерла жена Леонида Андреева, Шурочка, для Андреева это был абсолютный кошмар, потому что он ее очень любил. Умерла она родами сына Даниила Андреева. Старший сын Вадим Андреев в этот момент

был просто отдан в семью Рейснеров и рос в этой семье целый год. А младшего Даниила отец с новой женой, Аллой, сначала взяли в семью, а потом фактически мальчика бабушка забрала в семью Филиппа Доброва.

С первого момента видно присутствие рока в судьбе этого мальчика. Мало того, что гибнет мать, но через 6 лет он заражает бабушку скарлатиной, и она тоже умирает. Забегая вперед, скажу, что вся гибель Добровского дома будет связана с романом Даниила Андреева “Странники ночи”, о котором надеюсь рассказать еще.

И вот этот мальчик со своими уже в раннем возрасте визионерскими и прочими мыслями, идеями живет в этом доме. И там появляется эта Ольга Бессарабова, девочка из Воронежа, она учится в университете Шанявского и одновременно учит маленького Данила Андреева читать, писать и является его наставницей.

“ Вообще-то все здесь в Москве люди какие-то усталые”

Эти дневники 1915 года начинаются именно с того, что девочка вообще собирается умирать на операционном столе, она думает, что она тяжело больна, но доктор Добров ее фактически спасает. И самое странное в этих

дневниках - это какое-то религиозное ощущение жизни и смерти. Она говорит:

"Да, наверное, я умру, но я уже что-то такое пережила прекрасное в этой жизни". И от каждой страницы идет очень светлое чувство, которое заставляет тебя это читать дальше и дальше.

Она, например, пишет: "Вообще-то все здесь в Москве люди какие-то усталые". Это 1916 год. "Утомленные, туго-туго завинченные на свою последнюю рубку. Стукнуть неосторожно - и динь, как пружина в часах, как перекручиваешь ключик. Не знаю, о чем это я. Я вообще о здешних людях московских. У нас в Воронеже в этом смысле получше дышится".

И вот в 1917 году уже, когда разворачиваются на улицах события, она, например, пишет о феврале. При этом, тут надо тоже отметить, что у нее очень прочная связь с Воронежем. Там ее мать, там живут ее братья, гимназисты. Она пишет и в письмах, которые тоже все переписаны в этот дневник, и пишет их как дневники: "Брат гимназист пишет из Воронежа восторженное письмо, что люди обращаются друг к другу: "Гражданин". Люди смеются, кричат, радуются. Многие не знают, о чем, просто так. Волна подхватывает вот так меня. Все мои родные - это мой народ, и я народ. Это очень хорошо. Солнце яркое-преярокое. Снег звенит искрящийся".

Дом Добровых в Малом Левшинском переулке, д. 5. Сюда приходили М. Цветаева и Т. Скрябина. Фото нач. XX века.

3 февраля она уже пишет, что толпа начала меняться, выползает что-то другое: "Я не узнала этого города, этих людей. Это не Москва, не та праздничность,

радостность. Все гуляют, но уже не улыбаются. У некоторых лица жуликов. То есть, вероятно, у жуликов должны быть такие лица. Они не смотрят, а высматривают. Всплыло и как будто не могла стряхнуть слово блудливые. Стало даже как-то мутно, тошно и страшно. Противные, некрасивые были лица, когда вели мимо под конвоем милиции переодетых в штатское городовых” (потому что начинается же убийство городовых, как мы знаем, да? - прим. Н. Громовой) “И у этих городовых лица неприятные, по-человечески испуганные, а у толпы глумливые, улюлюканье, злые гримасы, непристойные замечания. И противно видеть лица женщин, когда говорят о бывшей царице. У мужчин при этом лица просто сердитые, суровые, и это не противно. И походка у толпы не та крылатая. Ох, скорее бы всё на дорогу, на свою колею. За работу, за работу”.

“**Возглавляет всю эту работу историк Степан Веселовский**

Она начинает в конце 1917 года работать в отделе Земгора, который занимается мобилизованными и их судьбой.

Собственно, это архивный отдел, который занимается солдатами и офицерами,

соединяет пропавших, исчезнувших. Именно архивы начинают ту работу, которую сейчас делали бы в компьютере. Возглавляет всю эту работу Степан Борисович Веселовский - замечательный историк, академик. Он большой начальник, она где-то на низовых должностях.

В ноябре 1917 года она приходит к нему с вопросом: "А что делать дальше? И стоит ли ей оставаться в Москве вообще? Что будет со страной? Как жить? Надо ли учиться?" А он ей говорит, что события еще только начинаются, что лет на 15 вперед началась уже такая ломка, перетасовка, такие штормы и глубокие перемены, каких мы даже представить себе не можем. Если лет через 10-15 если мы будем живы, мы, может быть, не узнаем мира вокруг, друг друга, настолько глубокие будут перемены. Они бы были все равно, но совершались бы очень долго. А теперь будут головокружительные темпы.

Степан Борисович Веселовский.

И вот она задает ему крайне дурацкий вопрос, но очень важный: а нельзя избежать этих потрясений, слишком кровавых? Он говорит: "Да, можно, но слишком дорогой ценой. Может быть, они и могли бы заставить нас не устранять друг друга, но превратили бы нас в чужие колонии. Это еще хуже".

Для меня это, знаете, открылось как оселок того, на чем многие разумные, интеллигентные люди погорели: спасти любой ценой империю. То есть, да, мы переживем ужас, надо пережить кровь, но только не быть какой-нибудь американской колонией. Вот это сидело в голове очень разумных людей, потому что, если теперь чуть-чуть забегать вперед, надо сказать, что Степан Борисович Веселовский в своих дневниках уже перед смертью напишет страшные слова о Сталине, вообще о своем разочаровании, ужасе того, что он тогда предпочел.

Итак, вот эта великая неделимая Россия, которую они себе, так сказать, все нарисовали, и Ольга Бессарабова возвращается в Воронеж, у нее на руках умирает

мать - после того, как все дети переболели тифом. Это 1920-й год.

Ольга Бессарабова, 1919. Воронеж.

Ольгины братья-гимназисты (один, Борис Бесарабов, очень хороший художник, другой брат будет великим агрономом и исследователем, третий брат будет тоже очень серьезным инженером), все трое, увидев, как в Воронеже белые вешают красных, уходят всей гимназией от белых к красным. Да, вешают чекистку, но они видят методы. Их пугает не идеологическая составляющая, их пугают методы белых.

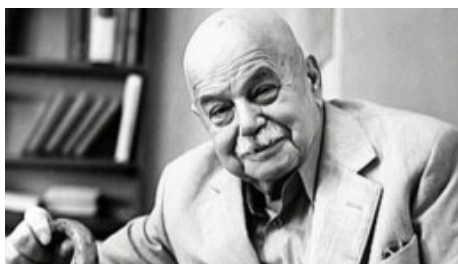
Для меня это был неприятный момент, потому что нам казалось всегда, что красные есть красные. А тут все были в этом смысле вначале равны. И эти мальчики, происходившие из учительской семьи, очень хорошие по своей природе, они уходят к красным.

“ она описывает эти фантастические поезда с солдатами, со всей этой бегущей туда-сюда Россией

И Ольга Бессарабова оказывается во всем водовороте бегущей России, потому что ее наставница, Варвара Григорьевна, просит привезти полуслепую мать из Воронежа в Ростов, где они все собрались огромной колонией. И вот она описывает эти фантастические поезда с солдатами, со всей

этой бегущей туда-сюда Россией.

В конце концов, она вместе со всей этой группой возвращается в Сергиев Посад, где она напишет часть дневников, которую назовет "Сен-Жермен Сергиева Посада", потому что там окажется часть русской аристократии, которая не эмигрирует. Это часть Трубецких, все будущие посидельцы и расстрельцы, Голицыны, там живет Розанов, там живет Флоренский, Самарин, Фаворский, с которыми они очень все дружат. И вот этот круг людей, идея которых только одна - сохранить русскую культуру, спасти в этом Сергиевом Посаде, - они открывают на базе монастыря краеведческий музей, в котором, собственно, и будет спасена часть икон, часть народного искусства.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Шкловские: семейные хроники

И эти женщины - Варвара Малахиева-Мирович и Ольга, и их подруги - они будут там преподавать. Это такие три сестры, которые продолжают жить уже вот в этой России. Вот если бы Чехов остался жив, мне кажется, он бы обязательно их описал. Но там же возникает целый круг будущих катакомбных священников, которые

будут расстреляны. Но самое главное, что возвращается в Москву тоже из Киева бегущая Татьяна Скрябина. Ее делают фактически директором музея Скрябина в Москве, потому что бежать неизвестно куда она не может, а у большевиков было такое странное пристрастие к Скрябину. Скрябина любили и белые, и красные. Каждый его считал своим. У нее был мандат от Ленина. И она смогла вернуться в Москву, стать директором этого музея холодного голодного дома, в котором ей давали небольшой паек и дрова.

Courtesy Photo

Ариадна Скрябина с матерью Татьяной Шлецер (Скрябиной).

Иван Толстой: А в Москву она, наверное, возвращается, потому что сын утонул?

Наталья Громова: Сын утонул в Киеве, она в чудовищном состоянии. И Варвара Малахиева-Мирович сопровождает ее и в Новочеркасск, и возвращается с ней потом в Москву. Вообще, это тоже интересный момент: люди, которые имели возможность, имели какой-то паек, какое-то содержание, они тоже как-то притягивали к себе других людей, потому что это возможность рядом с кем-то питаться. Я заметила, что все эти перемещения, они очень интересно завязаны на бытовую часть.

“ Борис Бессарабов в этот момент командир поезда, комиссар

Мы чуть-чуть сейчас сделаем ответвление к брату, который появляется в Москве, Борис Бессарабов. И из-за этого становится понятно, почему эти дневники оказались в музее Цветаевой. Сейчас мы придём к этому.

Брат Борис Бессарабов в этот момент командир поезда, который ездит по России, комиссар. Ему всего 19 лет. Он живет в доме Добровых, потому что жить ему в Москве негде.

И в один прекрасный день, который он подробно описал несколько раз потом, в дом приходит к двоюродной сестре Даниила Андреева, уже подросткового, Шурочка Доброва, она замужем за Александром Коваленским, троюродным братом Блока, таким красавцем, пишущим всякие необычные стихи. И Коваленский, и Шурочка очень сильно повлияли потом на Даниила Андреева. В этой полубогемной театральной компании собирается Маяковский, Лиля Брик. Это Новый год с 1920 на 1921 год. Туда приходит Марина Цветаева и Татьяна Скрябина. Он подробно описывает, как Цветаева читает о Москве, как Маяковский издевается, все они лежат на ковре в комнате. Все это очень интересно.

Борис Бессарабов, 1919.

Там присутствует такая деталь, которой я даже не верила: это порошок, который время от времени Маяковский вдыхает. Я просто только там это читала.

На Бессарабова производит впечатление, как ни странно, именно Цветаева, которую он уже как гимназист прекрасно знал по стихам о Москве. Они были очень широко известны. И он подходит, и начинается разговор.

А она придумывает (она же живет в нескольких фантазиях), что она встретила настоящего большевика. Она никогда не видела, кто такие большевики в этой Москве в голодные годы военного коммунизма. Вот она считает, что встретила настоящего. Она напишет потом стихотворение ему посвященное, - "Большевик". Но самое главное, они все очень хорошо понимают вообще его ценность. Понимаете, интеллигенция, она же приблизительно одинаковая всегда, ну, она не может ездить на поездах, спекулировать вещами. Может, но уже в крайнем случае.

“ Они понимают, что такое комиссар поезда

Поэтому они понимают, что такое комиссар поезда. Уже это и Добровы понимают, которые дают ему вещи. Он, будучи комиссаром, едет по России, их продает и

привозит им еду.

Уже все в этом участвуют, абсолютно. И его это не смущает, он рад какому-нибудь писателю Борису Зайцеву продать что-то. Он так об этом и пишет: я с удовольствием беру какие-то их вещи и торгую. Есть-то надо что-то. И Цветаева ему говорит: "Вы знаете, вот Татьяне Скрябиной выделили огромные кряжи, но они же не могут их, мы не можем их распилить". Он говорит: "Да я счастлив буду, да я просто". Когда он их провожает, они показывают ему эти кругляки. И он соглашается.

Мало того, Татьяна Скрябина уже такая полуживая, в тяжелом депрессивном состоянии. Она говорит: "Я за каждую вашу напилку буду вам рассказывать о Скрябине и играть его произведения". Ну, если бы он был тот, за кого его принимали, он бы, конечно, сказал: "Зачем мне всё это надо?" Но он с удовольствием на это соглашается. Мало того, через несколько дней Цветаева ему говорит: "Что вы там живете? Живите у меня".

СМОТРИ ТАКЖЕ

Два слова времени: страх и ложь. Судьба драматурга Александра Афиногенова

У него чудесный абсолютно почерк. Он в этот момент переписывает ее "Царь-девицу" своим каллиграфическим очень красивым почерком. Он каждый день

сестре, которую он боготворит после матери, описывает каждый день их жизни - как он переписывает, как Цветаева ему дорога. У них с Цветаевой при этом 7-8 лет разница, но ощущение, что он ее воспринимает сперва как мать, а потом в нее, конечно, влюбляется. А ей он постепенно надоедает, хотя она пишет "Переулочки", потом и "Егорушку", которые связаны с ним как-то, потому что она смотрит на него как на простого человека, потом она пишет, что он вообще дурно воспитан, потому что он как дворник выражается.

Марина Цветаева. Царь-девица. Поэма-сказка. Обложка работы Ивана Билибина. 1922.

Ну, это Цветаева, это надо все понимать, конечно. Но он для них делает два невероятных дела. Первое, он едет в этот момент в Петроград, едет с подарком от Цветаевой к Ахматовой. И он подробно описывает встречу с Ахматовой. Но для него это просто потрясающе, потому что, я говорю, он вырос в учительской семье, он, конечно, знает, кто такая Ахматова. И он привозит какой-то образок.

Там всё это написано, что он привозит, он постоянно отчитывается сестре, какой это подарок. Цветаева никак не могла встретиться с Ахматовой: она ездила тогда, во время войны, в первые дни (эта встреча в домике Каннегисера, описанная в "Нездешнем вечере" Кузмина, она ждала тогда Блока и Ахматову, она приехала читать стихи, чтобы открыть себя Петербургу. Но ничего тогда не вышло. А связь с Ахматовой она всё время мечтала держать). И Боря Бессарабов везет ее стихи, везет подарки.

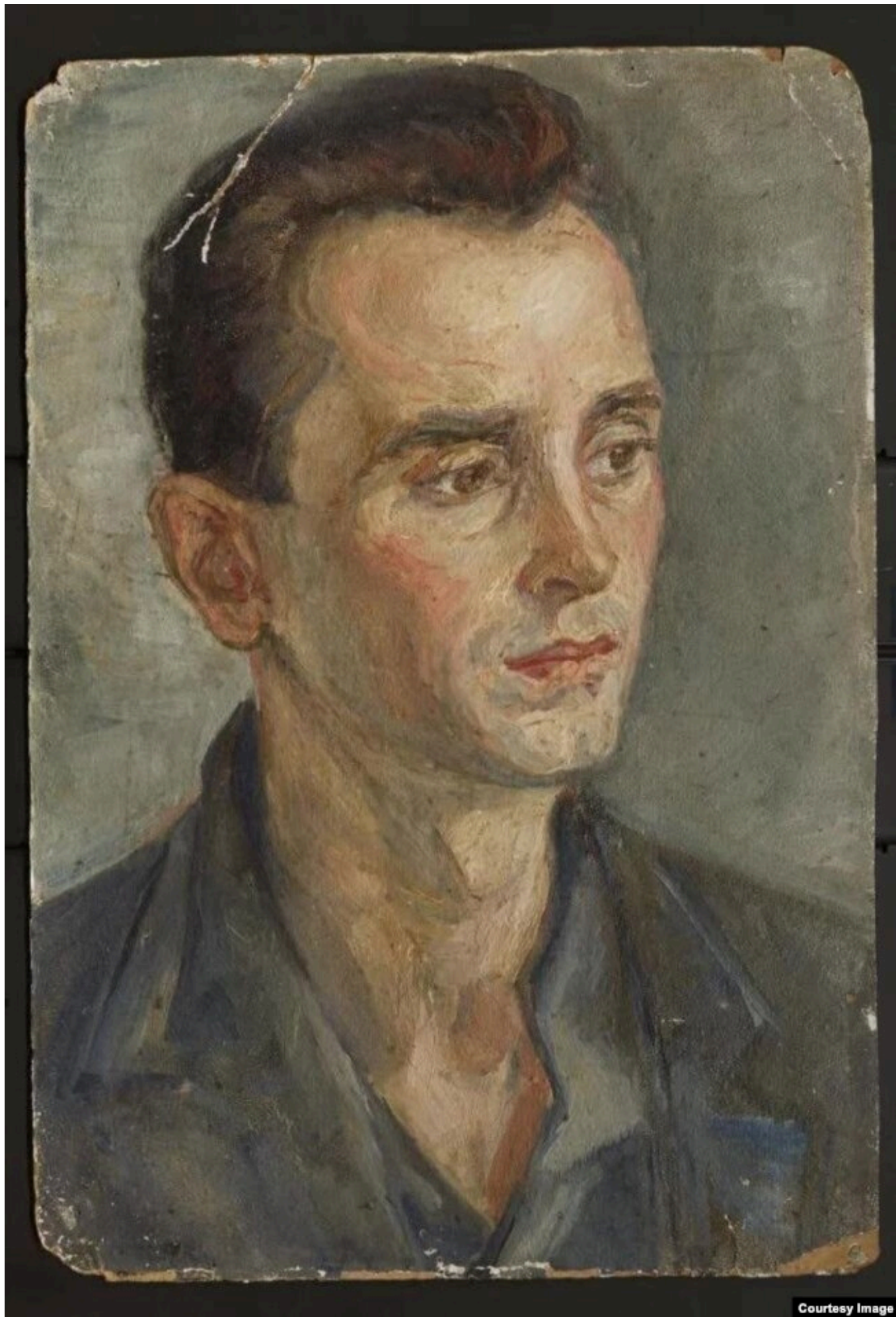
И второе, что он сделал, - он на поезде организовал выезд Анастасии Цветаевой из Крыма. Он привез ее беззубую, больную, вообще полуживую в этот город, но сёстры, надо сказать, вместе жить не могли. Это было очевидно. У них были времена разлуки очень большие. И он описал очень интересно эти встречи. Кончилась эта история, надо сказать, драматично, потому что он был, конечно, юноша очень, в каком-то смысле, и авантюрный, и нелепый.

“ В первые нэповские времена можно было вкладывать деньги в рост

Начинаются времена нэпа, и он у части этих людей, часть которых уже готовится к эмиграции, уже как бы начало идёт, появление этих всех паспортов и попытки многих уехать, он берет деньги под такие же

пирамиды, как МММ. Я никогда не знала, что это было очень тогда распространено. В первые буквально нэповские времена можно было вкладывать деньги в рост и что-то с этого получать. Он берет их и везет в Воронеж, и его там обманывают. И Цветаева пишет очень злое письмо Эренбургу, что вот тут один молодой человек у меня забрал деньги, не вернул и исчез.

Но он испугался, хотел наложить на себя руки в этом Воронеже, и дальше его судьба уже пойдёт по-другому.

Courtesy Image

Борис Бессарабов. Портрет работы Натальи Бессарабовой, 1925.

А Ольга Бессарабова, которая окажется в Москве, придет за его вещами и очень подробно, при ее невероятной доброте и нежности к людям, напишет о Цветаевой жестко и язвительно - о том, что она невероятно очень талантливый человек, но эгоистична, эгоцентрична, самовлюбленная и так далее. И что Скрябина не случайно умерла "в костре этих ведьм", написала она в одной из версий. (У неё есть две версии этих дневниковых записей, она потом её переписала, это очень странно.) Она называет Майю Кудашеву и Цветаеву: вот эти две женщины запутали, опутали эту несчастную Скрябину.

Я знаю всё, что про это написано, но вот есть вещи, которых мы не знаем. Они носят такой бытовой характер, который закрыт до сих пор. Но многое читается косвенно. Итак, самое было для меня драматическое, когда я дочитала эти дневники до 1925 года, Ольга опять заболевает, попадает в больницу возле Сергиева Посада. У неё там возникает удивительная история с художником Иваном Ефимовым. Он был анималист, петрушечник, делал теневой кукольный театр, очень дружил с Флоренским и Фаворским. И жена его Нина Симонович. А вообще он был учеником Анны Голубкиной. Нина, соответственно, учеником Родена. В общем, это очень был такой плотный художественный круг. И этот роман, в общем, оборвался, потому что была жена, а Ольга не могла через это переступить.

“ Обрывается дневник, и у меня внутренняя катастрофа

И она уехала в город Долгопрудный заниматься больными детьми и сама заболевает, и, в общем, обрывается дневник, и у меня внутренняя катастрофа, потому что я я не понимаю, что мне делать. Мне хочется

узнать конец. Знаете, я говорила уже, что это всё было накануне Рождества, и я читала, читала и понимала, что это какой-то мне такой подарок, потому что, ну, я хочу узнать конец. И я кинулась в музей, спрашиваю: "Откуда дневники?" Ну я же уже много чего поняла, я уже много чего осмыслила.

И мне дают телефон. Говорят: "Вот вы знаете, в 1990-м году (а я уже работаю в начале 2000-х), когда возник музей, в двух авоськах принесла женщина. Ее зовут Анна Степановна Веселовская. И за 500 рублей она продала эти дневники. Я набираю телефон: "Здравствуйте. Вот как эти дневники?" Она говорит: "Я дочь Ольги Бессарабовой". Ну тут у меня начинает это щёлкать. Я понимаю, что тут уже уже Веселовский где-то рядом. Но я спрашиваю: "А где продолжение? А что с ней случилось?" Хотя бы, я говорю, если нет продолжения, скажите, когда она умерла, что случилось.

И такой очень отстраненный голос, очень, я бы сказала, такой холодноватый голос мне объясняет, что ее мать умерла в 1968 году. Она продолжала вот эту работу по составлению хроники своего круга и своего времени. Но в 1927 году случилось

следующее. Она встретила на улице Степана Борисовича Веселовского, который сказал, что он вот ей посылал записку на работу. Она работала тогда в детском саду ЦИК. Интересно, да? У нее были дети всяких партийных работников, заведующая этого детского садика. И она сказала, что она не поняла, от кого эта записка. Он попросил ее о встрече. Они встретились через день. И он сделал ей предложение. У него было пятеро сыновей уже взрослых.

“ Она стала Ольгой Васеловской

Он сказал, что он всегда её помнил и что он хочет с ней связать жизнь. Фантастика была в том, это я уже узнала потом все подробности, что она согласилась

мгновенно. И я всегда думала с ужасом, что, наверное, ну это она от безвыходности согласилась, потому что она фактически стала его секретарём, его просто частью и всё. Она стала Ольгой Васеловской. И я думала, что это история про это.

Но, опять же, забегая вперёд, скажу, что вот сейчас, уже живя в Израиле, мы наконец добыли вторую часть дневников, о которой пойдёт потом речь в следующих передачах. Вот, где я уже узнала всё, все подробности невероятные. И это нас приведёт опять в дом Добровых, к Даниилу Андрееву, ко всем романам вокруг арестов, и так далее. Всё, что она сохраняла. Эта женщина поразила меня больше даже, чем в первой части этих дневников, потому что она дождалась детей Трубецких, опекала детей всех посаженных аристократов. Она записывала за многими их воспоминания. Она записывала воспоминания об эвакуации, она записывала вообще всё, что относилось к истории текущей, она очень сильно за этим смотрела. И сейчас у нас на руках откопировано, наверное, где-то около тридцати тетрадей, мы разыскиваем ещё десяток.

И вот так она это делала до 1966 года.

Прежние и новые книги Натальи Александровны Громовой постоянно переиздаются. Стараясь удовлетворить не спадающий читательский спрос, дрезденское издательство и ISIA Media предприняло серию переизданий с дополнениями и частично в новой редакции. Вы легко найдете эти книги в интернете.

Установите Мобильное приложение Радио Свобода

Установить

Читайте Свободу в Телеграме

Войти

Подпишитесь на Свободу в Google новостях

Подписаться

Иван Толстой

Другие статьи и программы здесь: [Герои Ив.Толстого](#)

Этот контент также в категориях

Поверх барьеров с Иваном Толстым

Культура

Герои Ив.Толстого

Советские судьбы